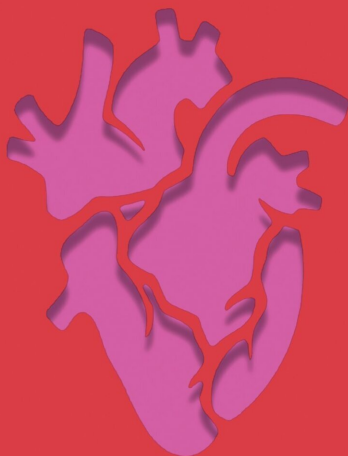

ЛАУРЕАТ "РУССКОЙ ПРЕМИИ"
ПРЕМИИ имени Э. ХЕМИНГУЭЯ
ПРЕМИИ имени Н.В. ГОГОЛЯ

ВАЛЕРИЙ БОЧКОВ

MAINSTREAM

EROS&THANATOS

СЕРДЦЕ И ДРУГИЕ ОРГАНЫ

Валерий Борисович Бочков

Сердце и другие органы

Серия «Эрос и Танатос»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65327277

Сердце и другие органы:

Аннотация

Ингредиенты увлекательной прозы: виртуозно закрученный сюжет, живые герои, летящее повествование и убийственный финал. Бочков знает эту магическую формулу успеха. Добавьте сюда безупречное владение метафорой, умный юмор и прекрасный русский язык и вы получите книгу, от которой невозможно оторваться. Именно эту книгу.

«Ну что мне делать? Вчера я понял вдруг... Понимаешь – бац! – как прозрение! Что готов всё послать к чёрту, и Джил, и дом, и всю эту семейную канитель. К чёрту! Когда она рядом – меня как током прошибает, тыща вольт. Насквозь! Это такое ощущение... такое... – он сжал кулаки. – Будто и не жил до этого. Что вот только сейчас... Ну что ты ржёшь, честное слово?» Я исподлобья разглядывал его – прозрение у него, будто и не жил...! Пытался вспомнить, испытывал ли я когда-нибудь чувство такой силы... Да и не важно – любовь это, страсть или похоть, – не в этом дело! Я завидовал силе этого чувства. Куражу и безумию в тыщу вольт». («Теннис по средам»)

Содержание

Теннис по средам	4
1	6
2	9
3	15
4	21
5	26
6	31
Моцарт, или Анатомия хаоса	39
1	39
2	46
3	52
4	56
5	59
6	64
7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Валерий Бочков

Сердце и другие органы

Теннис по средам

«...некоторые игроки жалуются на удары, которые выполняет соперник.

Но как бы ни играл соперник, это его дело, пока он действует в пределах правил.

Однако, не унижайте слабого соперника излишней грациозностью своих ударов».

Из «Теннисного Кодекса», Кембридж, 1912

– Три раза! – воскликнул Александр неожиданно громко. Очкастая мымра за соседним столиком вскинулась, поглядела на него, после на меня, брезгливо отпила кофе и снова уткнулась в журнал. Алекс смутился, подавшись ко мне, быстро зашептал:

– Первый раз в жизни! Понимаешь! Три раза...

От него пахнуло пивом и цветочным мылом. Как от старшеклассницы на каникулах, подумал я. На лбу у него зрел прыщ, а волосы совсем поредели – он их зачёсывал назад, туго и мокро. Ему казалось, что он похож на тех вальяжных красавцев из чёрно-белого кино, в двубортных плечистых пиджаках. С сигаретой в зубах. Не похож. Тем более, что он

ни разу в жизни не курил, даже не пробовал.

– Угомонись, это всё лирика, – строго сказал я, понимая, что именно сейчас мне нужно встать, наврать про неотложные дела и уйти. В противном случае, мы от пива перейдём к скотчу, за полночь переползём в «Пять с Половиной», на утро я буду подыхать с похмелья и уже окончательно влипну в эту идиотскую историю. Где-то запиликал телефон, мымра оторвалась от журнала и, оглядевшись вокруг, с отвращением уставилась на меня.

– Расскажи всё по порядку, – я отпил пива и вытер губы ладонью.

Александр был младше меня лет на пять, он всю жизнь занимался какой-то банковской нудьгой, последнюю человеческую книгу (не про сальдо-дебет-кредит) он прочёл в школе. Единственное, что нас сближало – мы оба русские. Хотя, это тоже чушь – даже между собой мы обычно говорили на английском.

Он был женат на Джил, русоволосой крепкой американке, с громким смехом и странной страстью к русскому конструктивизму. Пару лет назад она позвонила мне в галерею и сказала, что её интересует Родченко. Она видела его на сайте: это «Добролёт», чёрно-синий плакат с самолётом, но там почему-то нет цены. Поэтому и звонит. Плакат не продаётся, оттого и нет цены – ответил я. Есть отличный Мартынов «Табактрест Украины», плакат редкий и в прекрасном состоянии. Или Алексей Михайлов, двадцать третий год, тоже про самолёты. Она громко хохотнула на том конце.

Джил, румяная с морозу, нагрянула на следующий день. Кончался февраль и зима напоследок продувала Манхеттен ледяными сквозняками. Джил дышала в красные ладони и бойко, почти без акцента, говорила по-русски, с толком вставляя матерные слова. Я сразу понял, что просто так от неё не отвертеться. Предложил Дейнеку, киношных Стенбергов – у меня их пять. Она смеялась:

– Кончайте пудрить мозг, Димитрий. Я хочу Родченко!

Потом сказала, что я должен посмотреть её коллекцию. Именно должен. Я согласился, лишь бы отбояриться от неё. Коллекция оказалась по-любительски эклектичной, впрочем, ничего другого я не ожидал. Тогда я и познакомился с мужем. Алексом, Александром. Они жили на Парк-авеню с видом на статую Колумба и кусок Центрального парка. Родченко она у меня выцыганила к Пасхе. В нагрузку я ей всучил «Глаза Любви» Стенбергов, от которых давно и безуспешно пытался избавиться.

Джил была постарше Алекса. Они познакомились в Нью-Йоркском университете, он учился на экономике, она на международных отношениях. К тому времени Джил решила остепениться – разгон, который она взяла, вырвавшись из патриархального Вермонта, уже пугал её саму.

Алекс оказался девственником. Многоопытную Джил поначалу это озадачило – всё было, но только не это. Она решила действовать осторожно. Целомудренно натягивая простыню под подбородок, она сказала, что он у неё второй. На носу был диплом, предстояло искать работу, репутация из пустого звука неожиданно стала понятием почти материальным. Меньше всего ей хотелось возвращаться в Берлингтон, штат Вермонт. По ночам ей снились кошмары: бесконечные зелёные холмы, уходящие за горизонт, на них глупые пятнистые коровы, жующие траву.

Через три месяца Алекс сделал Джил предложение. На свадьбу приехали его родители из Москвы – отец, развесёлый, усатый банкир, похожий на подгулявшего мичмана и кроткая, круглая мамаша. Алексу купили смокинг и золотые запонки в виде долларовых знаков. О загульной юности Джил он так никогда и не узнал.

По средам мы с Алексом играли в теннис, после заходили на час-полтора в «Сити-Гриль». Пили пиво, он пересказывал мне статьи из «Экономиста» или бизнес-секции «Нью-Йорк Таймс», говорил небрежно, стараясь выдать мысли журналистов за свои собственные умозаключения. Друзей у него не было, коллеги и клиенты не в счёт. Отчего-то ему хотелось произвести на меня впечатление. Я не сопротивлялся. Тем более, что мне всё равно нужен партнёр по теннису.

О Мэгги, младшей сестре Джил, я услышал в начале сентября. Она переехала из Лос-Анжелеса, устроилась в риэлтерскую контору в Мидтауне, сняла квартиру где-то в Виллидж.

– Такие волосы, знаешь, вот до сюда... Коричневые... – Алекс защёлкал пальцами, пытаясь найти слово. – Нет, как это называется?

– Шатенка?

– Не, цвет этот?

– Охра, сиена, умбра, марс коричневый, нет? Лесной орех, каштан?

Я не видел этой сестры, но скоро уже представлял её в подробностях – Алекс говорил о ней каждую среду. Тонкое запястье, плавный жест, негромкий смех. Шоколадные волосы, что загораются рыжим от солнца, остроносые змеино-зелё-

ные туфли. Тонкая бретелька, выглянувшая в распахнутом вороте, запах корицы и чего-то ещё непередаваемого. Да, – родинка на ключице.

У Мэгги что-то не сложилось с замужеством, она сбежала чуть ли не из-под венца. Подробностей Алекс не знал, но драматичность калифорнийской истории явно добавляла сестре привлекательности. Хваткая Джил настойчиво опекала её, Мэгги стала бывать на Парк-Авеню через вечер. Втроём они ходили в рестораны, на вечеринки, в кино. Пили martini в «Энигме», катались на великах по Центральному парку. Всё втроём. Я уже знал, какой у этой Мэгги любимый цвет – бирюзовый. Знал, как она откидывает назад голову, когда смеётся – божественно. Что у неё нежнейшая кожа – матовая, а лодыжка стройней, чем у лани.

– Я – дрянь! Сволочь, мерзавец! Я ненавижу себя, понимаешь? Она мне мерещится везде: кассирша в магазине, мулатка, в профиль. Или та еврейка в офисе, я тебе говорил... Просто схожу с ума. Давай выпьем водки? – Алекс хохотнул. – Вчера приехал к клиенту, секретарша заходит – бац! Мэгги! Я был уверен, что это Мэгги. Понимаешь, Димыч?

Водку пить я не хотел, заказал ещё пива. Вечерний луч вонзился в шеренгу бутылок за спиной сонного бармена, алкогольная бурда радужно вспыхнула, превратясь в волшебные эликсиры. Я украдкой взглянул на часы, шесть.

– Не собираюсь учить тебя... – скучным голосом сказал я и тут же начал давать советы и говорить банальности.

Я думаю, что мои родители не изменяли друг другу. Почти уверен. Расспросить их об этом я не могу, их нет. Они не были святыми, просто вовремя исчезли. Тогда мне только исполнилось четырнадцать. Сейчас я на десять лет старше своего отца. Ему было тридцать пять, матери тридцать два, машина перевернулась несколько раз, потом загорелась. Я случайно наткнулся на полицейские фотографии, с тех пор мне гораздо проще прислушиваться к советам того, кто сидит на моём левом плече. Аргументы его крылатого оппонента справа кажутся мне скучными и лишёнными здравого смысла.

Я не верю в супружескую верность. Не вижу логики. Изменяют все – если ты ещё не изменил, то лишь из трусости, или по лени, или из страха сломать заведённый порядок вещей. Или просто не подвернулся случай. Не мелькнули волосы требуемой золотистости. Когда ты сидишь в баре, а хриплый Коэн бормочет из динамиков про венский вальс, и твой третий «манхеттен» постепенно обретает привкус надвигающегося чуда.

Среда. Алекс пнул сумку с ракетками под стол, жадно отпил полстакана, перевёл дыхание, допил до конца. На губе белели тонкие усики пены. Щёголь с открытки. Сегодня он играл кое-как, продул три сета подряд. Если честно, он сильнее меня, особенно у сетки. У него мощная подача, которую я безуспешно пытаюсь копировать. Я сделал глоток, поста-

вил стакан и расстегнул воротник. Я выиграл и был в прекрасном настроении, ему было плевать. На теннис, по крайней мере.

Он нервно пробарабанил ладонями по столу. Откинулся назад, зажмурился и тихо простонал, словно у него вдруг прихватило зуб.

– Что делать, что делать, Димыч, что делать? Вчера ужинали, за десертом она тронула меня под столом. Коленом, случайно.

– Случайно? – невинно спросил я. Он даже не обратил внимания.

– Я пулей выскочил в сортир, там пустил воду и бил кулаками в дверь, орал в зеркало. Я чокнулся! Я был готов наброситься на неё прямо там, завалить, растерзать, понимаешь? Эти пуговицы, крючки... Колготки зубами порвать. Понимаешь, прямо при Джил? На полу, на столе... Го-осподи!

Он снова зажмурился и застонал.

– У тебя пена, вытри, – сказал я. Он не понял.

– Что? – рассеянно спросил он.

– Рот вытри, – буркнул я и строго добавил. – И слушай сюда.

Алекс послушно придвинулся.

– Тебе нужно уехать. Прямо сейчас. Придумай себе командировку, отпуск – неважно. Немедленно.

Алекс растерянно моргал.

– Это как наркотик. После любого наркотика приходит от-

ходняк. Если не сдох от передозы, чувствуешь себя как дерьмо...

– Да знаю, знаю, – замахал он руками. – Знаю я...

– Ни хера ты не знаешь! – заорал я. – Ты – дилетант! Сколько баб ты трахнул на этой неделе? Одну? А за сентябрь? Одну! А за год? Тоже одну. Одну, одну, одну! И это всё та же Джил. Твоя жена. Ты – хронический семьянин!

Алекс жалобно глядел на меня, словно я пытал его щенка.

– Димыч, – он простонал. – Ну что мне делать? Вчера, там в сортире... да не смейся ты! – я понял вдруг... Понимаешь – бац! – как прозрение! Что готов всё послать к чёрту, и Джил, и дом, и всю эту семейную канитель. К чёрту! Когда она рядом – меня как током прошибает, тыща вольт. Насквозь! Это такое ощущение... такое... – он сжал кулаки. – Будто и не жил до этого. Что вот только сейчас... Ну что ты ржёшь, честное слово?

– Ну да, прав ты, тут плакать надо, – мрачно сказал я. – Тыща вольт...

Я допил пиво и уставился в окно. Ветер с реки рвал плащи и платья, трепал жёлтую рекламу скрипичного концерта. Жёлтый цвет может быть на редкость мерзким. Настроение у меня испортилось. Алекс проверял почту, шевеля губами. Я исподлобья разглядывал его – прозрение у него, будто и не жил до этого! Пытался вспомнить, испытывал ли я когда-нибудь чувство такой силы, ради которого был готов послать всё к чёрту. Да и не важно – любовь это, страсть или похоть, –

не в этом дело! Я завидовал силе этого чувства. Куражу и безумию в тыщу вольт.

В базилике Нотр-Дам в Лионе есть любопытные мозаики – Семь смертных грехов. Блуд, грех номер пять, если считать от западного портика, изображён там в виде то ли козла, то ли барана. Мне, рождённому в середине апреля, такие намёки кажутся необоснованными.

Я только проснулся, бродил по кухне, ожидая, когда заварится кофе. Вместо кофеварки запиликал телефон.

– Мне вас рекомендовали, как специалиста по русскому конструктивизму.

Голос в трубке звучал совсем молодо.

– Вы студентка, диплом пишете?

Она смутилась.

– Нет, я журналист. Статью для «Арт-Ревью» готовлю. Мне рекомендовали...

Я уловил акцент, верней даже не акцент – интонацию.

– Вы русская?

Мы сидели в баре Хилтона – идеальное место для бесед с клиентами. Вокруг росли пальмы в циклопических кувшинах, рядом плескалась голубая вода. Что-то вроде искусственного ручья, огибавшего с двух сторон остров с роялем.

Пианист, с башмаками подмышкой, засучив штаны, идёт вброд к инструменту. Она засмеялась. Нет, вон там мостик,

вам не видно.

Какой хороший смех. И имя замечательное – Катя. От своего любимого Родченко я перешёл к Левому Фронту, к нападкам ортодоксальных марксистов на Маяковского и его теорию универсальной рекламы. Потом перескочил на Лилию Брик. Я говорил, не переставая, уже часа два.

– А Мандельштам это кто? – Катя давно выключила диктофон, на блокноте стоял стакан с мохито. Она выудила зелёный лист мяты, облизнула. Я закашлялся.

Это её первая работа, первая настоящая после колледжа. Она очень благодарна, обязательно упомянет меня в статье. И что без моей помощи...

Я тронул пальцами её руку, она запнулась. Сразу засобиралась, торопливо, словно опаздывая.

Выждал два дня. Сидя перед экраном, вертел в руках её визитку. Звонить не стал, написал вежливо-нейтральное письмо. Перечитал, поморщился. Уже почти решился стереть, но вместо этого кликнул «отправить». Она позвонила сразу, словно между кнопкой на клавиатуре и телефоном существовала прямая связь.

Мы бродили вдоль парка, сидели в тёмном баре, было шумно, нам удалось втиснуться за стойку. Моё колено упиралось ей в бедро, от неё пахло лимоном, мы пили джин-тоник. Она сказала, что у неё кто-то есть, там – в Пенсильвании, зовут Джастин. Она махнула в сторону Гудзона. Там океан, подумал я, детей совершенно уже не учат географии,

Пенсильвания гораздо южнее. Она сказала, ей двадцать два. Я сделал арифметические вычисления. Она добавила, что если б не её Джастин, этот вечер можно назвать идеальным свиданием.

Мне пора, сказал я, соврал про дела, которые непременно нужно закончить.

Поймал ей такси, распахнул дверь. Она кинула сумку на сиденье, растерянно повернулась.

Я придержал её за локоть, спросил, словно извиняясь:
– Можно тебя поцеловать.

Она подставила губы. Лимон, можжевельник, что-то ещё, похожее на карамельные ириски.

В среду Алекс не появился. Я проверил почту, даже спам – ничего. Я не спеша завязывал шнурки, поглядывая на вход в раздевалку. Почти пять. Я пожал плечами, отправился на корт. Сыграл пару сетов с бодрым пенсионером, он громко топал изумительно белыми тапками, гоняясь за моими мячами. После душа набрал номер Алекса. Мобильный сразу скинул на автоответчик. Домой звонить я не стал, разговаривать с Джил не хотелось.

Вышел на улицу, побродил у входа. Обычно в такие моменты люди закуривают и ситуация сразу обретает некий смысл. Я бросил лет десять назад. Снова достал телефон: от Алекса ничего, зато появился текст от Кати с кучей скобок. Я за всю компьютерную жизнь не поставил ни одного смайлика.

– Только не вздумай ей звонить! – строго приказал я себе. Тётка с такой подозрительно покосилась на меня, такса юрко ткнулась мне в ботинок, фыркнула. Я присел, почесал толстые, тёплые складки, такса шершаво лизнула мне руку и засеменила дальше, весело помахивая хвостом.

– Только не вздумай звонить! – повторил я с угрозой. И тут же, сидя на корточках, набрал её номер.

Мы сидели за столиком в углу. Тот же бар, но сегодня было тихо. Мы почти не говорили, она осторожно перебирала орешки в плошке, разглядывая их, словно мелкие бриллианты. Я наклонился и поцеловал её. Кто-то включил Коэна, старый хрипатый еврей сказал, что он тоже хотел, как лучше, увы, не получилось. Он тоже не умел чувствовать, поэтому учился трогать. И пусть в конце концов всё пошло наперекосяк, он не жалеет ни о чём.

На улице был уже вечер. Ветер растрепал её волосы, она ойкнула и засмеялась. Дверь за нами хлопнула, я приподнял Катю и прижал к стене. Она по-девчоночьи вцепилась в меня, жадно обхватила ногами. Она не весила ничего. По дороге к ней нас чуть не сбило такси, мы хохотали, словно ничего смешней на свете быть не может. Потом в темноте квартиры, сшибая стулья, мы рухнули на диван. Из черноты весело отозвалась посуда.

Она позвонила на следующий день. Я не взял трубку и сразу выключил телефон. К полуночи она позвонила семнадцать раз. Утром я отправил ей текст, предложил встретиться-

ся через час у северного входа в парк. Я очень надеялся, что она не придёт.

– Ну зачем, зачем ты это делаешь?! – Катя цеплялась мне в куртку, словно хотела оторвать воротник. – Зачем?

Она сразу начала плакать, мне стало совсем тошно.

– Я думала... Думала, что ты... – она всхлипывала, тёрла мокрые глаза. – А ты, бесчувственная... сволочь.

Сволочь, всё верно. Я молчал, мне хотелось удавиться. Она в два раза моложе, совсем девчонка. Всё заживёт. Ничего, ничего. У неё Джастин в Пенсильвании, всё будет нормально.

– Ну ты можешь хоть что-то сказать? – она кричала, прохожие оглядывались на нас. Я, очевидно, выглядел законченным мерзавцем.

Сказать мне было нечего, да и что тут говорить?

Что я потерял родителей, когда мне было тринадцать? Что они сгорели заживо? Что те полицейские фотографии всю жизнь стоят перед моими глазами, как задник в бесконечном спектакле? Что больше всего на свете я боюсь снова пережить эту боль? Что я не завожу даже собаку, потому что боюсь, что она смертельно заболеет или попадёт под машину. И всякий раз, когда в моей жизни появляется кто-то, это превращается в пытку, потому что каждую минуту в моём сознании прокручивается бесконечное кино с разбитыми автомобилями, летящими в шахту лифтами, падающими строительными лесами, самолётами, входящими в пике, нагро-

мождением искорёженных вагонов, забытым газом, свечкой
у занавески.

Что тут говорить?

– Расскажи всё по порядку, – я отпил пива и вытер губы ладонью.

Алекс сиял: волосы – тугой, мокрый зачёс, сумасшедшие глаза, прыщ на лбу.

– Димыч! Господи, я не знаю как! – он вскрикивал, дёргался, словно собирался вскочить и бежать. – Божественно – вот как! Вот как!

Он засмеялся и помахал мымре за соседним столиком. Та фыркнула и загородилась журналом. Последний «Нью-Йоркер», с павлином на обложке.

– Мэгги позвонила, я поехал. Думал – инфаркт хватит. Руки – вот так, ходуном. Я ей соврал на той неделе, что мол клиенту нужен маленький офис, в Мидтауне. Мэгги сказала, что посмотрит. Вот звонит... Мэгги... – он допил пиво, словно умирал от жажды.

Вытянул шею, выискивая официанта. Бледная брюнетка в траурном макияже принесла стакан, поставила перед Алексом. Вопросительно поглядела на меня. Я помотал головой. В ноздре у неё было стальное кольцо, ещё несколько в ушах, татуировок я не увидел, но был уверен, что всё белое тело покрыто кельтской вязью и зубастыми драконами.

– Квартира, короче, на Сорок Второй... Я отпустил шофёра. Мэгги меня ждёт у подъезда... Швейцар, мрамор в холле,

колонны. В лифте я вспотел, думал – сдохну. Мэгги открывает дверь, заходим. Там три комнаты, в окно Крайслер видно... Мэгги показывает, смеётся. И я чувствую, Димыч, чувствую, что она ждёт. Понимаешь, ждёт! А сам думаю, господи, господи, как же, ведь я не знаю как! Тут она говорит, вот там душ, а тут – ванная. И открывает дверь. Входит, я за ней. И тут она сама, представляешь, сама! Прямо в ванной. Господи! Потом на полу, потом на кухне... Три раза... Понимаешь? Первый раз в жизни!

Он сделал глоток и повторил:

– Первый раз...

– Ну и что теперь?

Он посмотрел на меня, моргнул и тихо ответил:

– Не знаю.

Я поглядел на прыщ, редёющие волосы, мне стало жаль его. Было ещё подленькое злорадство, что это не со мной. И что я его предупреждал. Мудрый, старший товарищ.

– А что эта, твоя Мэгги, говорит? – имя я произнёс чуть пренебрежительно, он не заметил.

– Она потрясающая! Потрясающая! Она тоже как я, говорит, это безумие... И что та – её сестра, но всё равно, гори всё огнём! Это невозможно описать, губы, руки... нет! Три раза подряд! Представляешь?

Алекс издал какой-то рычащий звук.

Я подумал, что если до сорока жить с одной бабой, то любая Мэгги покажется пиком совершенства. Тем более, сбе-

жавшая из-под венца, младшая сестра жены. Тут, пожалуй, любой зарычит. Даже такой травоядный, как этот.

Мои родители разбились на Первом шоссе. Они выехали из Сан-Франциско, остановились перекусить в Кармеле около полудня. Они ехали в Биг Сур. Когда я получил права, я полетел в Калифорнию, взял напрокат дешёвый форд. Я нашёл то место. Их машина перевернулась, пробила заграждение. Там крутой спуск, дальше обрыв, внизу океан. Машина на боку сползла к обрыву, но застряла между двух камней. Когда вспыхнул бензин, родители ещё были живы. Так сказали в полиции.

Я стоял на обочине, смотрел вниз. На те два валуна, что могли спасти им жизнь. Их бока были чёрными. Я перелез через барьер, я не мог поверить, что за пять лет дожди не смыли копоть. Это была не копоть, камень почернел от огня. Местами оплавился, стал скользким как стекло. Я царапал, пока не сломал ноготь. Потом сидел и плакал, потом пошёл дождь. Кто-то вызвал полицию.

Когда я вернулся в Нью-Йорк, в кармане штанов обнаружил гладкий камушек, идеально круглый и похожий на соловодую ириску, с запахом микстуры от кашля, которую мне прописывали в детстве. Я совершенно не помню, как камень очутился в моих джинсах.

Мои опасения оправдались наполовину: мы действительно перешли к скотчу, но до «Пяти с Половиной» дело не дошло. Около восьми Алексу позвонила Мэгги и он умчался,

забыв заплатить свою долю. А я даже не успел съязвить насчёт старшей сестры. Пить больше не стоило, но я заказал ещё – одиночество навалилось так внезапно, что я растерялся.

Сумрачная брюнетка с кольцом в носу принесла скотч, поставила. У неё были сбриты брови, а на их месте нарисованы тонкие чёрные дуги. Она безразлично спросила, не хочу ли я сэндвич.

Я не знал, что ответить, мне было не до сэндвича. В этот момент я понял, что загнал себя в ловушку: убежал Алекс, деляга и невежда, человек, которого я презирал, презирал его инфантильность, его пошлость, дурной вкус, тягу к побрякушкам и мишуре. Если бы кто-нибудь назвал нас друзьями, я бы рассмеялся. Он унёсся к своей Мэгги, а мне стало тоскливо, словно ушёл близкий человек. Он – никто, знакомый. У нас нет ничего общего. Почти ничего. Откуда эта пустота?

Официантка лениво разглядывала меня, наверное, гадая, как это мне удалось так наклюкаться. Я извинился, сказал, у моего товарища несчастье, я никак не могу прийти в себя. Переживаю.

– Да? – удивилась она, сунув ладони в карманы невероятно тугих штанов. – Такой весёлый. С виду...

– Он просто не знает пока.

Она задумалась, свела нарисованные дуги.

– Как там насчёт сэндвича? – спросил я и улыбнулся. – Какие рекомендации?

Никаких татуировок не оказалось, Кэрол призналась, что страшно боится боли. Она сразу заснула, раскинув руки и выпятив бритый лобок. Лежала бледная, белей моих простыней и подушек. Я тихо встал, забрёл на кухню, выпил залпом банку ледяной колы. Постоял у окна, глядя на мигающие желтым светофоры. Два ночи. Я раньше не замечал, что в коридоре так скрипит паркет. В кабинете нашёл толстый плед, накрывшись с головой, заснул на диване.

Кончился октябрь, незаметно в Нью-Йорк вполз промозглый ноябрь. Каждую осень даю себе слово смыться до Рождества, каждый раз торчу здесь. Простужаюсь, матерю сквозняки и снежную жижу под ногами, свинцовое небо, которое можно достать рукой, прямолинейность архитектуры Манхеттена с продувными ветрами. Каждый раз нахожу неотложные дела и никуда не еду. Лень, скорее всего. Впрочем, на этот раз, подвернулось кое-что действительно увлекательное.

С утра получил текст от Алекса. Пять слов, три опечатки: срочно нужно встретиться, очень важно.

– Ну вот, – пробормотал я. – Началось...

Звонить ему я не стал, отправил текст. Пальцы тыкали не туда, от спешки руки дрожали. Чёрт с ним, поймёт, исправлять не стал.

По привычке прихватил ракетку, хотя знал, что играть не буду. Среда – условный рефлекс.

С реки дул сырой ветер. Задержался у кортов, там два ма-ньяка – один потный, в трусах и майке, другой – в русской шапке-ушанке и меховых перчатках, – носились взад и вперёд, лупили так, словно хотели убить друг друга. Я поёжился и пошёл в «Сити-Гриль». Надеялся не застать Кэрол, но сразу столкнулся с ней у входа. Она нахмурила нарисованные

дуги, поджала лиловые губы.

– Уезжал? – равнодушно спросила она, держа наготове блокнот. – Что будем пить-есть?

Я поглядел на фиолетовые ногти, длинные и острые.

– На аукцион... в Чикаго ездил... – соврал я.

– А-а, это тот город, где нет телефонной связи...

Обжигая губы, пил чай с лимоном. Добавлял туда ром. Сел у стены, справа окно, напротив вход. Как в вестерне – всё под контролем, всё простреливается. Впрочем, травоядные не стреляют, они выясняют отношения – так это кажется у них называется.

В окне сновали макушки и шляпы, потом раскрылись и заплясали мокрые зонтики. Вдали темнела вода залива, статуя Свободы факелом цеплялась за мохнатую серую мерзость, которая ползла с севера. Раскрыл газету, несколько раз перечитал один абзац. Как по-китайски, ничего не понял. Плюнул, начал просто перелистывать страницы, поглядывая то на дверь, то в окно.

Алекс появился на десять минут раньше условленного.

– Ты здесь уже... – досаду скрыть не удалось. – Чайком балуемся?

Он сел напротив, шлёпнул перчатки на стол. С грохотом отодвинул стул, развалясь, закинул ногу на ногу. Заказал двойную «Столичную». Когда принесли водку, он сразу отпил половину.

Я никогда не обращал внимания, какого цвета у него глаза. Карие. Он смотрел сквозь меня, сквозь стену. Глаза казались неживыми. Он зачем-то громко хлопнул в ладоши и засмеялся. От рома у меня поплыла голова, происходящее стало напоминать скверный сон. Знает или нет? Я надеялся, что она ничего не сказала.

Алекс допил водку, стукнул стаканом. Посетителей было мало, но все кто был, сразу посмотрели на нас. Мне стало стыдно за него, за себя, за то, что я здесь с ним. Ведь мог же просто не ответить, ведь мог! Нет, потащился...

– Короче, ты прав оказался, Дмитрий, – он сказал так, словно завершал какой-то монолог. И снова хлопнул в ладоши.

– Что? – сипло спросил я и обрадовался – не сказала!

– Суки они, вот что! Суки! – он засмеялся, резко и истерично, будто залаял.

Я сунул руки в карманы, придумывая, что сказать. Как повернуть разговор, чтоб спустить всю эту беду на тормозах. С наименьшими разрушениями.

– Ошибка! Представляешь? Ошибка, твою мать! – он замотал головой. – Так и сказала – ошибка.

– Кто?

– Целый месяц и две недели! И всё ошибка. Как это? Я жену, дом, семью на хер послал ради неё, а она – ошибка. Димыч, ты не представляешь, сколько я потратил. Мы в Вегас летали, я конторский «Гольфстрим» брал, наврал, важ-

ный клиент.

– А Джил? – я спросил, чтоб не молчать.

– В Вегас! – заорал он. – Хочешь кольцо? Двенадцать тысяч? Пожалуйста! Я за один ужин в «Россо» полторы штуки выложил. На двоих, представляешь? Лобстеры с икрой, твою мать... Икра осетровая...

Он выдохнул и устало добавил:

– Да и хрен с ним, с деньгами. Не в этом дело... Я её при-
жал когда, она призналась, короче... – Алекс взъерошил во-
лосы. – Короче... Она с кем-то спуталась. Со мной и с... ним.
Понимаешь? Одновременно.

Я облегчённо кивнул, мол, чего тут не понять.

Он заказал ещё водки, молча пил, глядя в пол. Я сидел тихо, надеясь, что он выдохся и это конец. Мы молчали минут двадцать, потом он выцедил остатки, запрокинув голову и выставив кадык. На шее краснел свежий порез, я всегда почему-то думал, что Алекс бреется электробритвой.

Он поставил пустой стакан, двинул его пальцем. Словно мы играли в шахматы.

– Вот... – тихо сказал он.

Устало встал и пошёл к выходу. На столе остались перчат-
ки, я хотел окликнуть его, но передумал. Хлопнула дверь. Я повернулся к окну, ожидая увидеть его макушку, но в это время с улицы раздался глухой удар, скрип тормозов. Кто-то завизжал. Официанты заспешили к дверям, распахнули, потянуло сырым холодом. Меня пробил озноб. К столу по-

дошла Кэрол, у неё тряслись губы. Она хотела что-то сказать, но увидев перчатки, осеклась. На улице уже были сирены, кто-то с бруклинским акцентом грубо командовал, приказывая всем очистить проезжую часть и отступить за линию ограждения.

Чёрный костюм неожиданно оказался мал. Я выдохнул, застегнул брюки. Натянул пиджак, он жал подмышками и был тесен в плечах. Подвигал локтями, словно куда-то продирался – жмёт. Подошёл к зеркалу, белые манжеты торчали из рукавов, я одёрнул лацканы, полы. Пиджак длиннее не стал.

– От долгов в таком бегать, – пробормотал я, вдруг вспомнив материнскую присказку. Взял со стола фотографию, родители снялись на какой-то вечеринке. За год до аварии. Отец чуть улыбался и внимательно смотрел куда-то в сторону, словно там происходило нечто важное, мать смеялась и глядела прямо в камеру. Это звучит банально, но она действительно была красивой.

Я приблизился к зеркалу, потрогал морщины на лбу, у губ. Посмотрел в глаза. Люди на фото выглядели моложе меня. Они выглядели гораздо счастливей.

– Спасибо, – прошептала Джил, когда я выражал соболезнования и клевал её в щёку. – Ты скажешь что-нибудь?

– Нет, пожалуйста, нет. Я не умею, пожалуйста, – пробормотал я.

На Джил была чёрная шляпа с вуалью, я чуть не ляпнул, что ей очень идёт. Наверное, нужно было принести цветы, с

досадой подумал я, разглядывая зал. Вдали стоял гроб, сбоку, на деревянной треноге, чёрно-белое фото. Рядом ваза с цветами. Лилии, догадался я, удушливый запах дополз до дверей. Я протиснулся в угол, сел. Разглядывая незнакомых людей, я почувствовал, что промочил ноги. Тоскливая музыка – орган со скрипками – вдруг оборвалась, сразу стало слышно шарканье и шёпоты, кто-то нутужно закашлялся. Тут же мелкое покашливание рассыпалось по залу. Чёртов ноябрь, подумал я и тоже прокашлялся. На кафедре, за гробом появился некто в белой манишке и с бледной лысиной. Он заговорил в микрофон протяжно и благостно. Какие-то церковные тексты, их смысл ускользал от меня. А может, его там и не было. Среди затылков и дамских шляп я пытался отыскать Мэгги. Неожиданно запел хор, детские чистые голоса. Дети стояли в нише у кафедры, я их даже не заметил.

Я старался не смотреть на фото, ретушёр перестарался и здорово польстил Алексу. Там он выглядел именно так, как ему всегда хотелось: прищур, зачёс, улыбка. Кларк Гейбл и Кэрри Грант. Я вспомнил прыщ и пену на губе.

Говорил кто-то из банка. Он перечислял титулы и заслуги, словно это имело значение для того, кто лежал в красивом, полированном ящике с медными ручками. Я с удивлением узнал, что Алекс дослужился до вице-президента и возглавлял департамент по связям с клиентами.

Потом произошла какая-то заминка, Джил вывела на кафедру плотного старика с моржовыми усами. У меня вспоте-

ли ладони, я догадался, что это отец Алекса. Он говорил по-русски, Джил переводила. У него был южный, почти украинский выговор. Я вдруг вспомнил, что у Алекса был похожий, когда мы разговаривали на русском. Я всегда думал, он так дурачится.

Неожиданно я услышал своё имя. Его произнесла Джил. Она кивнула мне и, придерживая старика за локоть, уже спускалась в зал. Выбираясь, я зацепился и чуть не упал. Ноги ступали как-то не так, от цветочной вони мне казалось, что меня сейчас вырвет, хоть я ничего не ел с утра. Я обошёл гроб, стараясь не подходить близко, я задержал дыхание, а когда вынужден был вдохнуть, явно уловил приторный запах. Протиснулся рядом с хором – пять подростков: четыре девчонки, все чёрные, худые и голенастые, и один парень, рыжий и толстый.

Я зачем-то поправил микрофон. Внизу белели лица, все смотрели на меня.

– Он... – я начал и неожиданно понял, что не могу произнести вслух имя Алекса. Что-то почти физически не давало мне это сделать. Я замялся, достал платок, вытер лицо.

– Он... – повторил я. – Был моим другом...

Проснулся от утреннего солнца, по-летнему тёплого и яркого. Не помню, что снилось, но проснулся я в отличном настроении. Открыл глаза. По полу вытягивались длинные тени, в полосах света искрилась пыль. На стену заползал тре-

угольник света, он делил по диагонали «Кино-Глаз», может, мрачноватый для спальни, но один из моих любимых плакатов Родченко.

Вспомнил вчерашний день. Думаю, моё сознание не смогло переварить бредовости происходящего и вытеснило информацию в тот дальний чулан мозга, где покоится мусор от просмотренных фильмов ужасов, кадров с кровавых мест преступлений, хроники землетрясений, цунами и геноцида.

Отчётливо помню шок, когда я понял, что гроб сожгут прямо здесь и сейчас. Служители проворно убрали цветы, снова завыл орган и скрипки. Гроб вздрогнул и стал медленно опускаться вместе с подиумом. Музыку сделали громче, наверное, чтоб заглушить шум механизмов. Я расслышал звук, похожий на щелчки старой лебёдки, в моём прежнем доме так работал лифт. Гроб исчез, на его месте чернела прямоугольная дыра в полу. Потом оттуда поднялся пустой подиум.

На улице я оказался под одним зонтом с Джил. Лил дождь. К нам подходили, я без конца пожимал руки, кивал, что-то бормотал. Я пытался разглядеть трубу и дым, но мы стояли слишком близко к зданию. Джил сказала, что нужно дождаться урны с прахом, я покорно согласился. Я думал, будет что-то вроде античной вазы, мрачной и строгой. Нам вынесли коробку с бантами, похожую на рождественский подарок. В лимузине мы ехали молча, коробка стояла между нами, Джил придерживала её рукой. На всякий случай.

В лифте я спросил про сестру. Джил сказала, что Мэгги лежит с жутким гриппом, температура под сорок. Двери в их квартиру были распахнуты настежь. На створках висели чёрные банты. По комнатам хмуро бродили гости, бесшумно скользили официанты.

На поминках меня вырвало: мне налили водки, я сделал глоток и едва успел добежать до уборной. Больше я не пил, а по пути домой заснул в такси.

Солнце сползло с Родченко, я наконец собрался с силами и поплёлся в ванную. Затрещал домофон. Со щёткой во рту, капая белыми кляксами на паркет, я нажал кнопку:

– Х-кто?

– К вам посетитель, – раздался официальный баритон консьержа, – госпожа... извините, как? – на том конце происходил диалог. – Госпожа... Гордиенко.

Я натянул халат, пытался отыскать тапки. В дверь постучали.

– Открыто! – крикнул я.

На пороге стояла Джил, в руке два картонных стакана.

Быстро вошла, бросила сумку в угол, громко стуча каблуками, прошла в комнату. Запахло кофе. Я сделал глоток, сел напротив в кресло. Было видно, что Джил вымоталась, лицо осунулось, в глазах появилось что-то злое. Мне не приходилось иметь дело со вдовами, я пил кофе мелкими глотками, бесконечно запахивал и поправлял халат.

Она встала, прошла к окну.

– Я говорила с Дугласом, – не поворачиваясь, сказала она, – Дуглас предупредил, что они попытаются отбить страховку.

– Что? Кто? – я не понял ничего. – Какой Дуглас?

– Наш... Мой юрист, – Джил повернулась. Лица я не видел, лишь контур и сияние. – Страховая компания хочет квалифицировать смерть, как самоубийство.

Она так и сказала – квалифицировать.

Я поёжился, по полу дуло, тапки я так и не нашёл.

– Дуглас сказал, что тебя непременно будут мурыжить. Ты был последним, кто... – она замялась, подбирая слова. – Последний, с кем он...

– Ну и что? Причём тут я?

– Ты? Ты не причём. Будут вынюхивать, о чём вы говорили, какое у него настроение было, что и сколько пили, понимаешь?

Я кивнул. У меня началась изжога. Я поставил картонный стакан на пол.

– Дуглас тебе позвонит, – Джил поставила свой стакан на стол. – О'кей?

Она подошла, провела пятернёй по моей макушке, вздохнула волосы. Села рядом, притянула к себе.

– О чём вы там говорили? – тихо спросила она. От неё горьковато пахло кофе.

Я пожал плечами, хмыкнул.

– Он про нас не догадывался? Ничего не говорил тебе? –

Джил ткнулась носом мне в щёку.

Я помотал головой.

– Уверен? – спросила она. Потом выдохнула со всхлипом. – Господи, как же я устала! Если б ты знал. Если б ты только знал.

В спальне она запуталась с застёжкой, повернулась ко мне спиной. Я расстегнул. На гладких плечах у неё пестрели конопушки. Она стянула юбку через голову, почему-то осталась в колготах и высоких сапогах. Запиликал мой телефон. Я, путаясь в халате, перескочил через кровать. На дисплее зажглось имя. Опередив автоответчик, схватил трубку.

– Да! – громко сказал я.

Джил бросила сапоги на пол, на цыпочках прошла к зеркалу, подняла руки, потянулась. Втянув живот, посмотрела на меня через плечо.

– Да, конечно. Буду в три, – я кивнул головой, добавил. – Хорошо, захвачу. Да, непременно.

Джил подошла ко мне. Я быстро нажал отбой. Джил молча смотрела мне в глаза, чуть исподлобья, не то зло, не то с насмешкой.

– Клиент... – произвольно начал я. – Там интересный Михайлов и Клуцис... Надо посмотреть...

Джил молча кивнула, медленно села на кровать. Тихо сказала по-русски:

– Дмитрий, кончайте пудрить мозг.

Ласково улыбаясь, перешла на английский:

– Твой клиент, кстати, неплохо играет в теннис. Второе место на юниорском кубке в Сан-Диего. Не думаю, что это твой уровень, но тебе ведь надо с кем-то играть в теннис. По средам.

Я положил трубку, сел на край кровати. С фотографии мне улыбалась мать, отец смотрел куда-то в сторону. Рядом лежал круглый камушек, похожий на солодовую ириску. Придерживая халат, я дотянулся до фотографии и перевернул её лицом вниз.

Моцарт, или Анатомия хаоса

1

Воронёнок уже оперился, но летать ещё не умел. Чёрный и носатый, ростом с мелкую курицу, он неуклюже скакал по стриженной траве, пугливо глаза по сторонам и приближаясь к краю газона. Перевалившись через кирпичный бордюр, запрыгал по серым плитам тротуара в сторону дороги. Машины тут проезжали редко, дорога по территории отеля шла с ограничением скорости в двадцать пять миль.

Основное шоссе проглядывало сквозь пыльные кусты азалий. Плотный поток автомобилей взлетал на холм и весело ухал вниз, уносясь в сторону океана, бесцветный кусок которого приклеился к такому же белёсому скучному небу. На открытой террасе никого, кроме Лиса не было, сухой китаец с плоским терраотовым затылком допил свой апельсиновый сок и ушёл, придавив пятёрку стаканом в неопрятных рыжих потёках. Воронёнок соскочил с тротуара на дорогу.

Появилась официантка, Лис попросил ещё минералки. Она молча кивнула, взяла с соседнего стола грязный стакан и деньги. «Лет тридцать, – подумал Лис про официантку, – наверное, уже поставила крест на карьере кинозвезды. – Тут, в Калифорнии каждый официант несостоявшаяся знамени-

тость. Впрочем, апломб обратно пропорционален возрасту». По дороге прошелестел белый «линкольн», чёрное колесо с серебряными спицами пронеслось в полуметре от воронёнка. Он испуганно отскочил, попытался забраться на тротуар, перевернулся, беспомощно хлопая куцыми крыльями. Кое-как встал, недовольно нахохлился, пару раз клюнул асфальт и снова запрыгал к середине дороги.

– Спасибо, – Лис с удовольствием сделал большой глоток, поставил стакан.

Официантка снова кивнула. Столы на террасе были из кованого ажурного металла, толстый стакан звякнул, стол отозвался тонким звоном. Как камертон.

– Хотите сыграть? – спросил Лис.

Официантка обернулась, без особого интереса спросила:

– В кино?

– Кино? – не понял Лис, засмеялся, снял солнечные очки. – Не в кино. Нет.

Официантка молча разглядывал его.

– Сыграть, – повторил он. – На деньги. На желание. Просто так – ни на что.

– Я не азартная, в карты не играю, – официантка собралась уходить. – Спасибо за предложение.

– При чём тут карты? Я сам карты не очень... Слишком легко мухлевать, исчезает элемент непредсказуемости.

Он улыбнулся и добавил:

– Просто скучно, – он отогнул манжет, взглянул, – нужно

как-то убить три часа и двадцать пять минут, – улыбнулся и добавил, – и я вас вовсе не клею.

– Ну, слава богу, – она насмешливо выдохнула. – У меня тут каждый второй ассистент Коппола или Спилберга.

– Ну да, такой город...

– Да уж. Такой вот.

Пожалуй, лет двадцать семь, подумал Лис, у брюнеток с возрастом как-то не очень ясно. Она напредила ему Зету, на которой он чуть не женился четыре года назад, Зету из Хайфы, смуглую и жилистую, как подросток-индеец. Из племени сиу.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Ну вот, а говорили, что клеить не будете.

– И не клею. Это для игры.

– Лив, – она сказала и показала на золотую пластинку с её именем, приколотую к груди. – Меня зовут Лив.

Он улыбнулся, Лив и Лис.

– Красиво. Звучит, как лист.

Она сунула худые ладони в карманы тесных джинсов. За её спиной повисла изумрудная колибри, крошечная, не больше шмеля. Крылья порхали так быстро, что птица казалась механической игрушкой. Лис расслышал даже тонкий звон, как от мизерного моторчика. Дикий виноград отбрасывал пятнистую тень, она сползала со стены и лениво стелилась по светлому камню террасы. Лив повернулась в сторону океана, острая ключица в разрезе белой блузки, сильная тонкая

шая. Повернувшись, она словно ушла, исчезла, её уже не было здесь, на яркой террасе, заставленной ажурными железными столиками.

Лис сделал глоток, поставил стакан. Стол тонко пропел. По дороге промчался спортивный «ягуар», воронёнок едва успел отскочить.

– Ну, так как насчёт игры? – спросил Лис.

Официантка повернулась, удивлённо, чуть растерянно.

– Какой игры?

– Ну, это мы сейчас решим. Дело в том, что смысл любой игры в непредсказуемости результата. Это – суть игры. Непредсказуемость.

– Допустим, – Лив вяло кивнула.

– Не допустим. Так оно и есть. Чем яснее прогноз результата, тем ничтожнее элемент игры. Карты, шахматы, нарды, конные скачки, собачьи бега, любой тотализатор – всё это чистая арифметика. Плюс мастерство игрока. Причём, не важно, играет он честно или жульничает. Классный шулер просто увеличивает свои шансы на выигрыш точно так же, как гроссмейстер, что изнуряет себя анализом тысячи шахматных комбинаций. Всяких там ферзёвых гамбитов Фишера и защит Каспарова.

– Я не умею в шахматы...

– И не надо! В этих играх, как правило, подлец играет с дураком. Если ты знаешь, что твой противник сильнее тебя, какой смысл с ним играть? Результат известен заранее. Ведь

только дурак может надеяться, что более сильный и опытный соперник по некой мистической причине проиграет слабаку.

– Ну, допустим. Так во что мы будем играть? Тут вроде...
– она огляделась по сторонам.

Лис засмеялся.

– Сколько угодно! Вот к примеру... – он повернулся к отелю. – Сколько этажей в гостинице?

– Двенадцать? Восемнадцать? – Она пожала плечами, начала считать.

– Нет-нет, угадайте!

– Пятнадцать, – сказала она наугад.

– Шестнадцать.

– Ну вы, наверное, знали.

– Конечно. Это пример некорректной игры. Я знал, а вы нет. А вот, предположим, я заберусь на тот карниз и прыгну вниз. На ваш взгляд я расшибусь насмерть или нет?

– Это третий этаж, – Лив прищурилась. – Уцелеете. Но ноги точно переломаете.

– А с пятого если сигану?

– С пятого? – она подняла голову. – Потолок в холле высокий, почти два этажа, так что это почти шестой...

– Ну и?

– Ну и, – она хмыкнула. – Я думаю – крышка. Тем более, если на асфальт.

Лис задрал голову, словно прикидывая траекторию. Перед входом в отель росли толстые пальмы с мохнатыми се-

рыми стволами, похожими на седые гориллы спины. Швейцар в золотых аксельбантах скучал у колонны, покачиваясь на каблуках. Вперёд-назад.

– Надеюсь, вы прыгать не будете.

– Нет. Сыграем во что-нибудь безопасное. Для нас, по крайней мере. Вон там, – Лис кивнул в сторону дороги. – Там птенец вороны.

– Где? Не вижу... – Лив вытянула шею. – Где?

– Там. Его куст вам загородил, – Лис допил воду. – Летать он не умеет. Но машины тут ездят редко. Да и медленно. Так что шансы у птицы не такие уж скверные.

Воронёнок как раз появился в просвете между кустов, он скакал и бестолково крутил чёрной головой.

– Конечно, у собаки были бы выше шансы, все бы тормозили, тут водитель уверен, что птица успеет взлететь и редко сбрасывает скорость. Но в этом-то и есть элемент игры. Предположим, – Лис посмотрел на часы. – Вы ставите на то, что воронёнок уцелеет в течение следующих пятнадцати минут. А я играю против вас и утверждаю, что нет.

Проскочил серебристый лимузин, быстро проскочил, явно превышая скорость. Покрышка по касательной стукнула птицу, воронёнок покатился кувырком, закаркал. Лив вскрикнула, прижала ладони к лицу. Медленно повернулась к Лису.

– Это жестоко... – проговорила она тихо. – Как вы... Как вообще вы можете? Жестоко и мерзко.

Она ещё что-то хотела добавить, но махнула рукой и побежала к дороге.

– Я знаю, – грустно кивнул Лис. – Знаю, знаю. Мерзко.

Он вынул бумажник, положил на стол несколько купюр, расправил, прижал холодным потным стаканом. Официантка, орудуя салфеткой, пыталась загнать птенца на траву, воронёнок ругался, махал короткими крыльями и никак не хотел уходить с проезжей части.

Когда Лису было пять, его звали Марик, Марк Лисогорский. Жил он в Питере, тогда Ленинграде. Его мать Лариса, бросив мужа, отца Марика, уехала в Израиль. В Азор, пыльный городишко под Тель-Авивом.

В памяти Лиса это захоlustье напоминает курортную открытку, солнечную, с чередой траурных кипарисов, отбрасывающих длинные синие тени на выгоревшие в жёлтое холмы. Пахнет югом, где-то весело стучит футбольный мяч, лету нет конца.

Лариса работала по две смены в аэропорту, Лис делал, что хотел. Особым атлетизмом не отличался, иногда дрался. Дрался отчаянно и до последнего. В десять лет, прыгнув на спор из окна кабинета биологии (второй этаж, бетонные плиты внизу), сломал ногу. Больница, гипс и костыли. За неделю Лис перечитал «Остров сокровищ», «Тома Сойера», все три тома невнятного Фенимора Купера, «Робинзона Крузо» Дефо. Начал «Сагу о Форсайтах», но чуть не умер со скуки. С книгами у Ларисы было не густо, на «Саге» книги кончились. Лис кое-как доковылял с третьего этажа вниз – лифта в доме не было, вышел во двор.

Там, в тени жестяного навеса, крашенного зелёной краской, сидели местные пенсионеры и играли в шахматы. Чемпионом двора был Горохов, коренастый густобровый стари-

кан, похожий на отставного полковника. Горохов оказался в Израиле почти случайно, но за семь лет привык, ему тут почти нравилось. «Море вот только далеко, а так почти Анапа» – говорил он, приглаживая пальцами свои совиные брови.

Лис заинтересовался шахматами, начал учиться и через месяц неожиданно обыграл Горохова. Дед крикнул и снова расставил фигуры. Лис выиграл опять. Горохов закурил, насупил, молча расставил фигуры. В тот день Лис выиграл у Горохова пять раз подряд.

Старик дал мальчишке стопку шахматных журналов, потрепанных, ещё советских, и книгу гроссмейстера Ботвинника. Лис разбирал заковыристые задачи и многоходовые комбинации, постигая механику игры, её суть. Как студент-медик в анатомическом театре видит взаимосвязь мышц, суставов и сухожилий, кровеносных сосудов, всех этих печёнок и селезёнок, и постепенно понимает принцип работы мозга и сердца, так и Лису шаг за шагом открывалась шахматная машинерия. Для него шахматная доска представлялась люком в механическое отделение, прозрачной крышкой, под которой он видел все рычаги, шатуны и шестерёнки. Он не пытался зазубрить коварные уловки и хитрые финты, ему это было не нужно, постепенно он наполнялся пониманием смысла игры.

Теперь игра с Гороховым походила на фехтование со слепым. Лис несколько раз пытался проиграть, подставляя фер-

зя или простодушно влезая в мат, но старик каждый раз ловил его на этом, жутко матерился и угрожал жестокой поркой. В октябре дед отвёз его на юношеский чемпионат в Тель-Авиве. Лис переволновался и проиграл в финале Боре Фишману.

– Ты – Моцарт! А он – козёл пархатый! – успокаивал Горохов Лиса по дороге домой. Автобус трясло, Лис отворачивался к окну, шмыгал носом. Ему было плевать на проигрыш, до слёз было обидно, что он подвёл старика.

На следующий год Лис, легко переиграв всех, поставил мат Фишману на семнадцатом ходу. Горохов подарил ему толстенную книгу «Граф Монте-Кристо», дореволюционного издания, со старыми гравюрами. Сказал, поглаживая обложку:

– Тут всё, что нужно знать про жизнь! Любовь, предательство, месть.

А ещё через месяц, в мае, Горохов неожиданно умер от инсульта. Когда его хоронили, выяснилось, что он действительно был военным, но не полковником, а майором. Вертолётчиком. Воевал в Афганистане, там получил орден Красного Знамени.

Лис перестал играть. Иногда он расставлял фигуры, расставлял как попало. Бесцельно двигал их по доске, спрашивал у ферзя о здоровье, шутил с горбатым конём о состоянии подков. Ферзь кокетничал, конь юмором не отличался и сыпал в ответ солдатскими шутками, король был высокомерен

и молчалив. Впрочем, как и полагается королю. Это были шахматы Горохова, он подарил их Лису за месяц до смерти.

Той зимой Лариса объявила, что выходит замуж за дантиста из Америки. Пыльные кипарисы Азора и запах бесконечного лета сменились промозглой серятиной Буффало, кирпичной школой в слепом бараке, незнакомыми соседями в одинаковых домиках за одинаковыми заборами. Лис по-английски говорил с грехом пополам, подружиться ни с кем не удалось, он начал выпивать. Воровал из бара отчима ликёры, иногда в школу приходил навеселе. Ему было четырнадцать.

Лариса, став мадам Гишплинг, прибавила в весе – в прямом и переносном смысле. Выставляла округлившуюся грудь в тесной кофте в приёмной мужа, сидя за конторкой с компьютером и двумя телефонами. Поднимала трубку и томно выдыхала:

– Кабинет доктора Гишплинга. Чем могу вам помочь?

Сам зубной врач оказался неплохим мужиком, но излишне строгим. У него было чёткое, словно отлитое в металле, мнение по всем вопросам. От него пахло земляничным мылом и резиновыми перчатками. Ещё он считал, что каждый достойный мужчина должен стремиться стать дантистом. Для начала зубным техником. Лис пытался сопротивляться, но всё-таки угодил в зубной колледж.

Отмучившись семестр, в начале января он по пьянке проиграл все деньги на тотализаторе. Рядом с общагой колледжа на Брум-стрит притаилась прокуренная букмекерская нора с

железной клеткой, в которой сидел мрачный кассир. На стенах висела дюжина мутных телевизоров, по экранам в бесконечном немом надрыве мчались лошади и собаки. Лис просадил все полторы тысячи, выданные на харчи и проживание до июня.

Лариса отказалась давать деньги, зубной доктор поддержал, настоятельно рекомендовав Лису найти ночную работу. Он, кстати, видел в безусловно мерзком поступке пасынка не только элемент греха, но и возможность искупления, возможность формирования стойкого характера, столь необходимого в зубо врачебном деле. Лис не стал дослушивать, повесил трубку.

Тем же утром, собрав рюкзак, он отправился на попутных грузовиках в Нью-Йорк. Развесёлая шоферня гнала восьмиосные монстры по седым от инея трассам, грузовики сияли гирляндами огней, неслись неукротимыми болидами сквозь тьму на восток, к Атлантике. Подъезжая к Коннектикуту, бугай-негр, вылитый боксёр Майк Тайсон, рассказал Лису про Вашингтон-сквер. В этом парке в самом центре Гринвич-Виллидж собирались игроки – шахматисты, картёжники. Играли в домино и в железку, заключались пари на исход спортивных состязаний. Любых, от хоккея и баскетбола до гольфа и фигурного катания.

– Парк Юрского периода! – заржал негр. – Помнишь, как в кино?

Он сделал страшное лицо, щёлкнув крупными белыми зу-

бами, словно перекусывая кого-то. Лис фильма не видел и не понял, что шофёр изображал динозавра, но всё равно засмеялся вместе с ним.

Парк Юрского периода оказался действительно любопытным местом. Некоторые шахматисты прикидывались интеллектуалами, другие – славными очаровательными болтунами, вроде отставных учителей. Многие научились играть в тюрьме. Тон задавали Терминатор, Душистый горошек и Школьник.

Жертвы делились на «плотву» и «карасей» в зависимости от наличия денег. Появление клиента возбуждало ажиотаж, похожий на атаку пираний. Жертву не отпускали, не обглодав до последней косточки. Обдирали мастерски, психологически безупречно: у клиента не просто появлялась уверенность в возможности выигрыша, эта уверенность постоянно росла и укреплялась с каждой новой партией. Он сам повышал ставки, выигрыши казались закономерными, неудачи случайными. Вплоть до последней, решающей игры ва-банк. Важно было с самого начала понять, сколько денег готов проиграть клиент, «плотва» редко просаживала больше двадцатки, «карась» мог запросто спустить сотню, а то и другую.

Лис появился в Вашингтон-сквер утром пятого февраля. Ночь он провёл на автобусной станции, под утро начали мыть полы и его выгнали. В парке было по-зимнему тихо и пусто, голые липы казались безнадежно мёртвыми, квадрат-

ные столы окружали конную статую Вашингтона. Лис остановился, оглядел президента, его лошадь. Обошёл вокруг, на бронзовом крупе президентской лошади кто-то написал фломастером «Буш – осёл».

Лис сел за крайний стол. Достал шахматную доску, аккуратно расставил фигуры. Чёрный король где-то потерял корону и Горохов воткнул на её место булавку с бирюзовой головкой. Лис дотронулся пальцем до булавки, закрыл глаза и начал ждать.

Первым появился Махараджа, пронырливый пакистанец с сизыми губами, болтун и любитель блиц-турниров. Играл он неважно, брал нахрапом, оглушал соперника трёпом, бессмысленным и бесконечным. Пару раз был бит – не в фигуральном смысле, а вполне конкретными кулаками, оба раза не за шахматы, а за некоторое сходство с Бин Ладеном.

– Играешь? – спросил он, присаживаясь напротив.

Лис кивнул.

– Деньги есть?

Лис честно помотал головой.

– Без денег нельзя.

Лис снял часы, положил на стол. Махараджа неодобрительно оглядел часы, выпятил синюю губу, с изнанки она вообще была фиолетовая.

– Пятерик против котлов. Идёт?

Лис пожал плечами, кивнул.

– Ты чё, немой? – спросил пакистанец и двинул ферзёвую

пешку.

– Почему?

– Ну тогда ходи – дома думать будешь! Давай, давай! – Махараджа начал обычный трёп. – Секи момент, как гроссмейстер играет. Котлы твои коцаные – считай плата за урок. Мотай на ус, сынок.

Лис двинул свою пешку, пакистанец, не думая, вывел коня.

– Ну вот! Он опять заснул! Ну что ты будешь делать?

Лис вывел ферзя.

– Вот оно как? Ну ты даёшь! – заорал Махараджа. – Считай, уже продул. Я-то надеялся хоть чуток поразмяться, а ты вообще не сечёшь! Фуфель!

Лис сосредоточился. Погрузился, именно погрузился: Махараджа походил на беспечного лодочника, озирающего поверхность озера – метёлки камышей, растопырки торчащих коряг, редкую игристую рыбёшку. Лис тоже видел всё это, но ему открылась и подводная темень, с водорослями, спящим сомом в омуте, стаяй карасей и притаившейся в тростнике щукой. Он мог разглядеть утонувший велосипед, покрышку от трактора и золотой браслет, оброненный с лодки позапрошлым летом. Лис делал ход за ходом, заманивая простодушного болтуна в капкан. На шестнадцатом ходу Лис пожертвовал ферзя, ликующий Махараджа поставил короля на поле g1. Лис сделал вилку конём.

– Мат.

– Как это? – пакистанец опешил. Он даже не понял, что произошло. Партия заняла семь минут.

Следующие пять долларов Махараджа проиграл за двенадцать минут. Проиграл позорно, опять налетев на вилку.

– Ещё? – вежливо спросил Лис.

– Достаточно, – озираясь, ответил пакистанец. – Ты, малец, вот что... ты про это дело языком не чеши... Ну что ты, да я, да мы с тобой... Лады?

В марте неожиданно потеплело, Лис сменил ночлежку в приюте Тринити на лавку в Вашингтон-сквер. Воздух свежий, да и к работе поближе, решил он, покупая непромокаемый спальный мешок защитного цвета с ярко – рыжим нутром.

Удачный день приносил ему долларов тридцать-сорок. Шахматы оказались наименее доходной игрой парка Юрского периода, ставка за партию редко превышала десятку. Хитрить Лис не любил, он не прикидывался простофилей, не обнадёживал противника глупыми ходами, каждый «карась» однозначно понимал к финалу, что о реванше лучше забыть. И уходил отыгрываться к подслеповатому Раввину или к похожему на румяную бабушку Короеду.

А ещё в парке играли в нарды. Лис заинтересовался игрой. Местный чемпион, армянин по кличке Сальвадор, толстый, с мутными взглядом и торчащими усами как у художника Дали, на глазах у Лиса обчистил какого-то студента на полторы сотни. И сделал это за двадцать минут.

– Хорошо, я научу тебя, – перебирая жёлтыми пальцами костяшки чётков, снисходительно сказал Сальвадор. – Полтинник за час.

Лис достал мятые купюры, две пятёрки, десятку. Больше не было. Сальвадор вздохнул, лениво сунул деньги в нагруд-

ный карман лимонного «адидаса», он не носил ничего, кроме спортивных костюмов невероятных расцветок – кораллового, неоново-зелёного, жёлтого, как желток. Если Сальвадор появлялся в снежно-белом, это означало, что сегодня воскресенье.

– Дам тебе сорок минут, – Сальвадор проворно расставил шашки. – А вот эти кубики, мальчик, называются зары.

Он ловко подкинул и поймал обе кости, потряс их кулаке и выбросил на поле. Кости зацокали по доске, остановились. На одной было пять, на другой – шесть.

– Шеш-беш, – Сальвадор тощим указательным пальцем передвинул свои шашки. – Запомни, это тебе не шахматы, тут ничьих не бывает. Суть игры – не просто победить, но и унижить врага. Степень унижения прямо пропорциональна денежному призу. Допустим, мы играем на ставку... Почём вы там в свои, эти... шахматы играете?

– По десятке обычно, – Лис разглядывал битые, желтоватые зары. – А они действительно из кости сделаны?

– Да, из берцовой кости моего бывшего ученика, – засмеялся Сальвадор фальцетом. – Не отвлекайся! Степень унижения может быть обычной – простая победа. Это когда ты первым выставил свои камни за борт.

– Камни?

– Если ты назовёшь это шашкой, – Сальвадор грозно наклонился над доской, ткнул пальцем в чёрную шашку. – Тебя проклянет Салам-бен-Рахим, покровитель заров. Не ку-

биков, не костей – заров! Нарды – игра мистическая, не то что твои... эти... Ещё фараоны играли! В гробнице Тутанхамона нашли золотые нарды с инкрустациями из рубинов и сапфиров. Персидские маги с помощью нардов предсказывали судьбу владык, исход битв.

Вокруг стола начали собираться зеваки. Турист в футболке хорватской сборной закурил сигару, тут же потянуло палёными тряпками. Сальвадор строго посмотрел на него, футболист отошёл.

– Поле нардов символизирует небо. Камни – это звёзды. Каждая половина поля имеет двенадцать лунок, это двенадцать месяцев. Поле делится на четыре части – четыре времени года. Число камней равно числу лунных и безлунных дней месяца, – Сальвадор сделал паузу, обвёл глазами слушателей.

– Нарды – это не игра, нарды – это модель мироздания. Лис украдкой взглянул на часы.

– Но вернёмся к правилам, – Сальвадор сказал обычным тоном. – Проигравший платит за обычную победу одну ставку. За «марс» – удвоенную, за «домашний марс» – тройную ставку. За «кокс» платит четыре ставки. Сколько получает-ся?

– Сорок, – ответил Лис.

– Правильно! И это – за пять минут, – Сальвадор хлопнул в ладоши. – Всё! Урок закончен. Накопишь денег – приходи опять.

В отличие от шахмат, нарды оказались игрой суетливой, по-базарному крикливой, некоторые игроки стучали камнями по доске, на манер доминошников, зары звонко тарахтели, как погремушка на хвосте гремучей змеи.

Но больше всего Лиса смущала непредсказуемость. Именно непредсказуемость заров давала шанс слабому игроку обставить мастера. Ты мог выстроить безупречную комбинацию, но проиграть дураку, которому вдруг подфартило. В шахматах такого не могло быть, суть шахмат была элегантна, как механизм швейцарского хронометра. Нарды олицетворяли хаос, элемент случайности ставил Лиса в тупик. Он привык контролировать игру, контролировать на все сто.

Проникнуть в машинный зал оказалось недостаточно, да и не было в нардах машинного зала, так – потроха старой шарманки с одним напевом. Лис безошибочно знал, куда какие камни двигать, это он постиг сразу и в этом он был безупречен. Научился изящным шешарам, выстраивал ловкие увязки, с любым противником из десяти партий выигрывал как минимум семь. Но его беспокоили три проигранных, эти три победы принадлежали хаосу, случайному везению дурака, непредсказуемости заров.

Лис страдал, его мучала непроницаемость фатума, попытка продолжалась и по ночам, когда он, вглядываясь в плос-

кое городское небо, постепенно поднимался туда, к тусклым звёздам и грязноватым облакам, туда, где за глухими дверями с облезшей позолотой меланхоличные ангелы перебирали цифры, шуршали единицами и тройками, складывали в стопку пузатые шестёрки. Изредка лениво спорили:

– Ну что, пянджи-чар или пянджи-ду?

– Нет, дай ему яган.

– Как скажешь, яган так яган.

И у кого-то далеко внизу зары останавливались на двух единицах.

Появились деньги. Лис снял конуру, полуподвал в Китайском квартале, из окна которого были видны быстрые ноги пешеходов. От подошвы и до колена. Был тесный душ с вялой струёй и кухня не больше телефонной будки. Роль мебели изображала узкая койка казарменного фасона и мрачное кресло, грязно-багровое и оплывшее, как печень алкоголика.

Лис решился наконец позвонить матери. Позвонил домой. Лариса подняла трубку, узнав сына, попросила подождать, Лис слышал, как она распекала кого-то, какую-то тётку, которая басовито огрызалась на скверном английском. Потом неожиданно заревел младенец, Лариса принялась утешать, противно угукать. Наконец вернулась к телефону.

– А у нас родился братик, – просюсюкала Лариса. – Соломоша, да... У-у, какие мы! Ну-ка, Соломоша, поздоровайся с Мариком. Здравству-у-уй, здравствуй...

На том конце снова заорал младенец. Лис тихо положил

трубку, сел на кровать и долго смотрел в стену.

Вашингтон-сквер приносил теперь сотню в день, иногда больше. Но это в сухую погоду. Закончился сентябрь, в октябре похолодало и зарядили дожди. Облетели платаны, за ними липы. Каштаны держались дольше всех. Игроки под блестящими зонтами безнадёжно мокли в ожидании клиентов, мок бронзовый президент в лихой треуголке, мок его поджарый конь. Лис мок вместе со всеми.

В понедельник около трёх к столу Лиса подошёл невысокий человек, плотный и гладкий, как упругий гриб, с короткими руками и маленькими ладонями, его розовые пальцы что-то бесконечно ощупывали и перебирали. На розовом мизинце поблескивал золотой перстень с агатом. Лис вспомнил эти суетливые пальцы, этот агат, недели три назад он играл с коротышкой.

– Про что читаете? – вежливо спросил он.

– Про любовь, предательство и месть, – ответил Лис. – «Гамлет».

– Ясно...

Озираясь, тихо спросил:

– Мы могли бы поговорить?

Лис удивился, но кивнул. Сунул между страниц долларovou бумажку вместо закладки, убрал книгу в рюкзак.

– Вы можете обыграть одного человека? – спросил коротышка.

Лис подумал и снова кивнул. Спросил:

– В шахматы?

– Нет, нарды.

– Сколько партий?

– Марафон. Часа три.

Марафон – это колоссальный стресс, психический и физический. Лис слышал о марафонах, которые продолжались сутками, после которых игроки падали под стол прямо в игровом зале.

– Обыграю, – сказал он. – А зачем?

Коротышка пожевал губами, оглядывая мокрые стволы платанов.

– Он меня оскорбил.

– Вы ему проиграли?

– Да, три «марса» подряд...

– Но вы действительно играете паршиво, я помню, – простодушно улыбнулся Лис. – Что ж тут оскорбительного? Это всё равно, если я скажу, что вы ниже меня на голову, и вы обидитесь – ведь это правда, и что тут обидного?

– Короче, – перебил его коротышка. – Вы делаете Макса, выигрыш пополам, все довольны, все смеются. Лады?

Он протянул руку, ладонь оказалось неожиданно жёсткой, жёсткой и тёплой, как плотная глина.

– Завтра в девять...

– Утра? – спросил Лис.

Коротышка засмеялся, он незаметно вытирал ладонь о штанину.

– Нет, вечера. Роллинг-стрит сто пять. Записать?

– Запомню, Роллинг-стрит сто пять.

– Хорошо... Это Даун-таун, от Уолл-стрит два квартала в сторону Ист-ривер, – он собрался уходить, словно припомнив, добавил. – Да, оденься. Костюм, галстук... Понял?

Лис кивнул. У него в жизни не было галстука.

Лис всю ночь не мог заснуть, вставал, бродил от стены к стене. Припадая к крану, пил воду. Около двух на углу кто-то затеял драку, женский голос пьяно кричал: «Ну ты сука, Алан! Ну ты и сука!». Приехала полиция, синие и красные огни заметались по стенам. Лис сидел на койке, поджав под себя ноги, и зачарованно улыбался – он неожиданно очутился внутри волшебного калейдоскопа. На гвозде, вбитом в дверь ванной, висел новый костюм.

Лис купил его в «Файлинс» на углу Бродвея и Семьдесят второй, там продавали уценённые тряпки и обувь прошлого сезона. Мулатка, сочная и вертлявая, с кольцом в ноздре и в невероятно тугих джинсах, оглядела Лиса, прикидывая кредитоспособность.

– Цвет какой? – спросила.

– Цвет? – растерялся Лис. – Чёрный, наверное...

– На похороны что ли? – усмехнулась она.

– Почему?

Выбрали чёрную пару, белую рубашку, классические «оксфорды». С галстуками произошла заминка. Лис испуганно оглядел пёструю витрину: там рядами свисали обрывки тропических закатов, горели хвосты диковинных жарптиц, переливались крылья заморских бабочек, сияла изумрудом чешуя сказочных рыб. Лис вздохнул и неловко вы-

тянул узкий чёрный галстук.

– Ну нет! – возмутилась мулатка. – Похоронная контора какая-то! Вот!

Она решительно сдёрнула кроваво красную змеистую ленту, приложила к горлу Лиса.

– Вот так! И никак иначе!

Адрес Лис нашёл сразу. Он ожидал увидеть что-то вроде казино или бара. Там оказалась дверь в стене, ни вывески, ни даже таблички со звонком. До девяти оставалось двадцать минут, Лис перешёл на другую сторону и стал вышагивать по тротуару до фонаря и обратно. Прохожих не было, изредка проезжали машины. Тут не было ни магазинов, ни ресторанов, вокруг угрюмо высились серые здания банков и страховых контор. Остановилось такси, из него вылез коротышка.

– Хорош! – похлопал он Лиса по спине. – Галстук Армани? Пошли.

Им открыли. За дверью оказалась просторная прихожая, почти холл, с колоннами и большим зеркалом. В углах сияли почти античные вазы с сухой ботаникой. Коротышка, ухватив Лиса за рукав, потянул наверх по широкой лестнице. В туалетной комнате с дубовыми панелями и мраморными писсуарами он достал бумажник, вынул оттуда стопку сотенных купюр.

– Пять косых, – протянул деньги Лису. – Сразу не лезь, оглядись сперва. Лады?

– Лады.

– Я буду рядом, – он замешкался, потом сказал. – Меня Джеймс зовут.

– Меня Лис.

– Ты что, цыган?

– Почему?

Джеймс пожал плечами, толкнул его к выходу. Лис видел в зеркало, как коротышка мелко перекрестился и поцеловал перстенёк, быстро, будто клюнул.

Они устроились в глубоких креслах, кожаных, тёмно-шоколадных, неторопливая официантка, похожая на сытую рысь, принесла скотч Джеймсу.

– Спасибо, Кэрол, – он подмигнул ей.

– А что ваш друг будет пить? – тихо спросила томная рысь, словно интересовалась интимным.

– Минералку, – сипло ответил Лис, прокашлялся. – Воды минеральной, пожалуйста.

– Лёд, лимон?

– И лёд, и лимон, – кивнул Лис.

Он наклонился к Джеймсу:

– Что это? Клуб?

Джеймс отпил, достал из кармана «монтекристо», смял целлофан, поднёс к носу, глубоко вдохнул.

– Да, частный клуб. Тут народ с Уолл-стрит в основном. Наверху, кстати, номера.

Джеймс выпустил густое облако сизого дыма. Кэрол принесла воду.

– Макс обычно к десяти приезжает. Там, – он кивнул на дверь. – Там игровой зал, два покерных стола, рулетка. Три приватных комнаты, это для крупной игры.

Лис кивал головой, он почти залпом выпил воду. В углу за газетой дымил толстяк, курил трубку. Перед ним стоял какой-то напиток химической синевы в высоком стакане. По комнате расплзался карамельный дух дорого табака. Официантка принесла ещё минералки, поставила перед Лисом. Улыбнулась ему жёлтыми кошачьими глазами. Лис подумал, что у него своих денег осталось меньше десятки.

– Ну, готов? – Джеймс взглянул на часы. – Вперёд!

В игровом зале было тихо и сумрачно. Джеймс подтолкнул Лиса к покерному столу.

– Что, садиться? – тихо спросил Лис. – Играть?

– Да, катнём по маленькой. Ты в блек-джек как?

– А чего там как – сиди себе, карты считай. Игра для недоумков.

Джеймс странно посмотрел на него, влез на табурет. Лис сел рядом.

– Только мне, – сказал Джеймс крупье. – Мой приятель пока только учится.

Крупье услужливо оскалился и с треском распечатал новую колоду.

Становилось многолюдней. Крупье сдавал, Джеймс рассеянно разглядывал карты, двигал фишки, постоянно озираясь через плечо. За соседним столом играл рыхлый мужчина в

роговых очках, на его оплывшем лице застыло брезгливое выражение, словно ему было невыносимо противно то, чем он занимался. У рулетки два нетрезвых молодых человека в костюмах безукоризненного покроя энергично подначивали друг друга; тот что повыше, альбинос с рачьим взглядом, пытался говорить по-французски. Он с равными интервалами повторял одну и ту же фразу «J'aime votre grand âne». Это напоминало неистребимую пьяную икоту. В глубине зала, за колоннами, в тускло-янтарном свете маячили какие-то тени, оттуда доносился тихий звук, словно кто-то время от времени пересыпал мелкую морскую гальку. Там играли в нарды.

– Вот он! – Джеймс толкнул Лиса локтем.

Лис повернулся к двери. Макс мог бы и не обыгрывать Джеймса, сам факт существования Макса был оскорбителен для Джеймса и ему подобных. Коротышка испытывал то же самое, что испытывает неказистая такса, очутившись на одной собачьей площадке с русской борзой. Макс, казалось, был выведен искусственным путём или Бог, отложив все дела, смастерил его персонально. И дело тут было не только в безупречных пропорциях лица и тела, хотя и тем и другим запросто, как эталоном, можно было проверять правильность золотого сечения, Макс вошёл, и словно что-то изменилось в зале, будто внезапно включился новый полюс притяжения.

Джеймс, не доиграв партии, слез с табурета, потащил Лиса к Макс. Представил. Макс белозубо улыбнулся, крепко пожал руку.

– Прямо-таки чемпион? – добродушно спросил он, разглядывая Лиса. – Вы какие предпочитаете – короткие или длинные?

– Мне всё равно, – ответил Лис. – Как вам удобней.

– Ну и отлично! – засмеялся Макс. – Пошли, пошли играть!

В дальнем конце комнаты стояли четыре ломберных стола, над каждым висел неяркий плафон. Свет падал на игро-

вые доски, на одном столе были шахматы, на остальных нарды. Большие доски каких-то ценных пород дерева, инкрустированные перламутром. Лис сухо сглотнул, страшно хотелось пить. Макс жестом предложил выбрать стол, Лис развёл руками.

Сели, расставили камни.

– Давайте сыграем серию из трёх, по триста долларов за очко, – ласково предложил Макс.

Лис поперхнулся, он открыл рот, не зная, что сказать – в Вашингтон-сквер самая крупная ставка была доллар за очко, да и случалось такое крайне редко. Но главное – Лис рассчитывал на марафон, на дюжину-другую партий. Рассчитывал свести к минимуму элемент случайности. Он растерянно посмотрел на Джеймса, коротышка часто моргал, на верхней губе появились капельки пота.

– Максик, – проблеял он. – Давай уж хотя бы десять партий, блиц. Ну хоть шесть, а?

– Не могу, Джимми, – он взглянул на часы. – Не могу, дорогой, в другой раз. Не сердись. Начнём?

Лис играл, как в бреду, как во сне. Бросал зары, двигал камни, ему вдруг стало холодно, его начало знобить. Первую партию он проиграл. Минус двадцать одна сотня – щёлкнуло в мозгу. Вторую удалось выиграть, отыграл три очка. Девятьсот. Минус двенадцать сотен.

В третьей партии случилось то, чего Лис опасался больше всего – дьявольские зары словно начали издеваться над ним.

Каждый бросок Макса ложился как под заказ. Разгром был полным, Лису не удалось вырваться из «марса». Общий счёт – минус семь тысяч двести долларов.

Лис онемевшей рукой достал деньги, положил на доску.

– Тут пять...

– Напишите чек, – Макс быстро пересчитал купюры, сунул в большой бумажник с тиснёной монограммой. – Какая там разница? Двадцать две сотни – да? На имя Макса Локхарда.

Лис рассеянно огляделся, ему теперь мерещилось, что он горит, что у него жар, мимо торопливо прошмыгнуло жирное лицо Джеймса, проплыли тусклые оранжевые лампы. Откуда-то сверху голос Макса диктовал по буквам, как правильно писать его фамилию: «Эл-о-си-кей-эйч»... Диктовал ему, человеку, который полгода спал на парковой скамейке, человеку, у которого отродясь не было чековой книжки. Лису почудилось, что над ним толща реки, тёмно-янтарная вода, тягучая как мёд сонно тянула его неведомо куда. Сопrotивляться не было сил, да и не хотелось сопротивляться. «Ты ведь Моцарт!» – долетел до Лиса тихий голос. Лис повторил: – «Моцарт, Моцарт. Какой я Моцарт?»

– Макс... – с трудом проговорил Лис. – Я прошу вас... Дайте мне отыгаться. Пожалуйста.

– В другой раз, мой друг! – весело сказал Макс. – В другой раз.

– Вы в шахматы играете? – спросил Лис.

– Да. Вполне прилично. Тут, впрочем, толком никто не умеет...

– Одну партию? На эти двадцать две сотни?

Макс посмотрел на часы.

– Хорошо. Одну партию. Но тогда уж давайте тысяч на пять, – он подмигнул Лису. – Округлим?

Быстро расставили фигуры. Лису выпали чёрные. С первым же ходом всё вдруг встало на свои места, словно кто-то наконец поправил сбитый фокус. Макс оказался действительно приличным игроком, напористым и с фантазией, но на двадцать третьем ходу он зевнул ферзя. На двадцать девятом Лис поставил ему мат.

– Как же я этого ферзя... – Макс тёр подбородок, морщил красивое лицо. – Вот дьявол, как же... Давайте ещё одну? По-быстрому, а?

– Десять тысяч, – произнёс Лис, не совсем понимая что говорит.

– Идёт! – легко согласился Макс.

К половине первого Лис запер короля, провёл пешку и объявил Максу мат. Так закончилась третья партия. К половине первого Лис выиграл тридцать тысяч – пытаясь взять реванш после второго проигрыша, Макс увеличил ставку вдвое.

Все, даже крупье, столпились вокруг стола, Макс раскрыв, чековую книжку, писал красивым почерком цифры прописью. Лис огляделся, рассеянно спросил у крупье:

– А где Джеймс?

– Джеймс? Он часов в десять ушёл. Когда вы в нарды ещё играли.

Макс протянул чек Лису. Двадцать две тысячи долларов, остальные он получил наличными. Лис взял со стола пачку, отсчитал пять тысяч.

– Макс, передайте это Джеймсу. Пожалуйста, если вам не сложно.

В курительной комнате никого не было, Лис огляделся, тихо опустился в кресло.

– Ещё минеральной воды? – насмешливо спросила Кэрол. – Вы там мистера Локхарда разгромили, пронёсся слух.

– Макса? Да... – улыбнулся Лис. – Знаете что, принесите мне коньяку. Двойную порцию.

Он откинулся в кресле, сердце продолжало куда-то нестись, колотиться, Лису казалось, что его частый стук мерно отдаётся в комнате. Потом он догадался, что это бодро тикают большие напольные часы в дубовом резном футляре.

Появился коньяк, официантка подложила белую салфетку под бокал. Лис сделал глоток и неожиданно для себя допил остатки залпом.

– Ещё? – игриво спросила официантка.

– Нет, спасибо, спасибо... У вас тут перекусить ничего нет?

Она засмеялась.

– Нет. Но я знаю тут неподалёку шикарную сосисочную. Устроит?

Лис представил сочный толстый хот-дог, подкопчённый, с дижонской горчицей. И всё это на свежей булке. Мягкой и душистой белой булке. Ещё тёплой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.